

ЭТИКА КАК СВЕТСКАЯ НАУЧНАЯ ДИСЦИПЛИНА

А.В. РАЗИН

В предлагаемой статье я хочу высказать свое мнение по обсуждаемой проблеме, тем более что я был привлечен к разработке учебника по «светской этике», хотя организаторы и не согласились с моей структурой.

Прежде всего, необходимо уточнить сами термины, принятые в качестве названия соответствующих учебных курсов. Эти термины не имеют однозначной трактовки, и их понимание вызывает разногласия у специалистов, по крайней мере, у специалистов, работающих в области философии и этики как неотъемлемой части философского знания.

Понятие культуры восходит к древнегреческому термину «возделывание». Под ним в Древней Греции в основном понималась агрокультура. Для фиксации других явлений искусственной среды обитания человека в Древней Греции использовались термины «номос» — закон, нормы поведения и «техне» — искусственные средства преобразования природы и обеспечения жизни. Что же понимается под религиозной культурой? Что в ней возделывается? Беспомощность человека, его надежда на высшие силы, мольбы о помощи? На мой взгляд, культурой это вряд ли можно назвать. Что же под этим понимается: система религиозных представлений, обрядность, молитвы? Чему, собственно, будут учить? Для меня все это порождает множество вопросов, которые остаются без ответа. В древних религиях, например, в протоиранской, на человека еще возлагались какие-то задачи, которые могут быть определены как его культурная миссия — скажем, поддержание закона Аша, помощь в этом божеству. В современных же мировых религиях этого нет. В христианстве, наоборот, земной и божественный миры разводятся. Единственное, что может быть отнесено к собственно культурным явлениям в рамках религиозных представлений — это нормы поведения.

Что касается «светской этики», то употребление этого понятия также порождает много вопросов. Понятие «светский» означает не связанный с религией, не подчиненный церкви. Понятно, что во всех религиях есть определенные нравственные нормы. Но можно ли назвать это этикой? На мой взгляд — нет. Это определенные моральные нормы, представления людей о надлежащем или греховном поведении, источником которых считается божественное откровение. Этика же это рефлексия морали, т.е. взгляд на моральную жизнь со стороны, с позиции наблюдателя, выходящего за рамки данной моральной системы.

Это попытка оценить некоторые моральные нормы как правильные или неправильные, показать, каковы будут следствия в случае их нарушения, какова будет жизнь людей, если принять другие моральные нормы. В этом смысле вся этика как область философского знания выходит за пределы любой религии, т.е. она по природе своей является светской.

Этика не основывает свои выводы на откровении, пытается предложить собственные способы обоснования морали. Иногда она предполагает некоторые метафизические допущения, скажем, такие, как мир идей у Платона или интеллигибельный трансцендентный мир у Канта. Но это не означает, что она теряет светский характер, ведь философия всегда пыталась делать некоторые предположения об общих основаниях мироздания, хотя и не как абсолютно бездоказательные. Вообще говоря, философия пытается построить знание о всеобщем и бесконечном по типу доказательного естественнонаучного знания. Завершить эту задачу нельзя, так как мир бесконечен. Поэтому для практической жизни остается принять только наиболее вероятные предположения.

Это, конечно, не дает такой однозначности решений, какие следуют из религиозной догматики, зато страхует нас от возможной ошибки. Ведь время жизни бесценно и очень обидно было бы растратить его на то, чтобы, скажем, 300 раз в день повторять «Кришна-Кришна-Рамакришна, или 30 лет простоять на столбе, ожидая, что на тебя сойдет божественная благодать. А если Кришна или какое-либо другое божество не существуют?

Наряду с традициями философской этики, в том или ином виде обращающейся к абсолютам, к трансцендентному, есть этика, построенная на других основаниях, исключая такие методы рассуждения, как рассуждение о недоказуемом. Она может быть построена на эвдемонистических, утилитарных основаниях, т.е. на основаниях полезности для людей выполнения некоторых моральных норм, на идее сострадания, на поиске оптимального пути к достижению человеческого счастья. Но она может содержать в себе и абсолютные начала, утверждаемые на базе идеи охраны человеческого достоинства, абсолютной ценности каждой человеческой жизни как уникальной и неповторимой. Такая этика составляет основу современного гуманистического движения, получившего в западных странах определение как секулярный, т.е. светский гуманизм. В мире есть достаточно авторитетные гуманистические организации светской ориентации. Это «Международный гуманистический и этический союз», учрежденный в 1952 г. в Амстердаме (в настоящее время его штаб квартира находится в Лондоне), Международная академия гуманизма в США. Центр «Свободных исследований» (Free Inquiry), возглавляемый автором многих

книг по светскому гуманизму Полом Куртцем. Существует Российское гуманистическое общество, поддерживающее связи с упомянутыми международными организациями, являющееся ассоциированным членом Международного гуманистического и этического союза.

Минимальным требованием членства в Международном гуманистическом и этическом союзе является согласие с утверждением о недопустимости веры в сверхъестественное. Гуманизм определяется в документах названного союза следующим образом:

- Гуманизм — демократическая этическая жизненная позиция, утверждающая, что человеческие существа имеют право и обязанность определять смысл и форму своей жизни.
- Гуманизм призывает к построению более гуманного общества посредством этики, основанной на человеческих и других естественных ценностях, в духе разума и свободного поиска, за счет использования человеческих способностей.
- Гуманизм не теистичен и не принимает «сверхъестественное» видение реального мира¹.

Учитывая реальность светского гуманизма, принятость данного термина в международном гуманистическом движении, можно говорить и о светской этике в узком смысле слова, т.е. не об этике как о философской теории в целом, а о специфическом способе построения гуманистической этики. Это, во-первых, будет не просто мораль, положения которой рассматриваются как не требующие доказательств, а именно этика (как теоретическая область знания), причем этика, построенная на рациональных основаниях, исходящая из научного видения мира. При этом понятно, что всякая этика предполагает и практическую, нормативную часть в виде выводов из собственных теоретических положений. Во-вторых, это будет этика, построенная на скептических основаниях, исключающая поиски оснований нравственной жизни в каких-то трансцендентных мирах или божественных субстанциях. На мой взгляд, именно такая этика имеет значительные преимущества перед другими способами понимания морали.

К моему удивлению, даже среди многих моих коллег распространено мнение о том, что термин светская этика неправомерен, в том смысле, что если отделить этику от религии, от нее по существу ничего не останется. Но кто сказал, что нам не нужно рассматривать религию в ходе преподавания светской этики или просто научной (научной в условном смысле, так как философия не является наукой в строгом смысле слова) этики? Это, конечно, необходимо. Но рассматривать связь религии и этики можно по-разному. Можно исходить из религиозных представлений как из системы догм, определяющих основополагающие нравственные

принципы. А можно рассматривать религию рефлексивно, критически. Во втором случае можно показать, в чем религиозные воззрения пересекаются с положениями научной этики, а в чем они этим положениям противоречат, какому этапу в развитии общества соответствует приоритетность религиозной мысли и когда такие приоритеты начинают преодолеваться.

Онтологические основания человеческого достоинства

На мой взгляд, представление о том, что мораль без религии невозможна, это представление, отвечающее детству в развитии человечества. И нет ничего удивительного, что из детского возраста человек когда-то выходит. Он становится способным самостоятельно принимать на себя ответственность, и, опираясь, на опыт всей истории развития человечества, самостоятельно обосновать для себя фундаментальные нравственные принципы.

В беседах со студентами мне часто приходилось сталкиваться со взглядом примерно такого типа: «Я человек верующий, я так был воспитан, не могу же я отказаться от самого себя». Но разве мы не отказываемся от самих себя постоянно в процессе нашего взросления? Когда мы играем в игрушечных зверюшек и верим, что они живые, полагаем, что Хрюша и Каркуша, герои телепередачи «Спокойной ночи, малыши» — реальные персонажи, живые существа, верим, что Дед Мороз существует, и т.д. А потом мы спокойно преодолеваем эти наивные представления. Так почему же невозможно считать, что человек может преодолеть свои наивные религиозные верования, как в историческом смысле, так и в смысле индивидуального развития? Ведь преодолело же человечество первобытный антропоморфизм, мифологическое мышление.

Весьма распространенным является мнение о том, что без веры в Бога мы не можем найти онтологические основания для утверждения человеческого достоинства, что это приводит к негативным последствиям в смысле манипулирования людьми, развития тиранических режимов, массовых репрессий и т.д. Это мнение навязывается нам через авторитетные средства массовой информации, с экранов телевизоров. Но в многочисленных телепередачах, дискуссиях, посвященных данному вопросу, почему-то не предоставляют слова гуманистам. Между тем, я придерживаюсь совершенно противоположной позиции. В религиозном сознании человек рассматривается как слуга, как раб божий. Его жизнь оказывается подчинена «высшим» ценностям, которые связываются с волей Бога, а значит, допускается и жертва земными ценностями, счастьем жизни и даже самой жизнью ради этих «высших ценностей».

В истории человечества трудно найти хоть одну войну, которая была бы не освящена религиозными знаменами. Может

быть, только большевики в Гражданскую войну не обращались «за помощью» к Богу и не считали, что они выполняют богоугодное дело.

Широко известно, что конгрегация протестантских церквей поддержала Гитлера, а католическая церковь выступила на стороне Муссолини. В средние века, в XIII в. католической церковью была организована борьба с ересями. Одна из них — так называемая альбигойская ересь, вызвала такое недовольство Папы Иннокентия III, что был организован целый поход в южные области Франции для расправы с еретиками. «В одном из городов, по словам хрониста, воины истребили до 20 тыс. человек. Когда папского посла спросили, как отличить еретиков от «добрых католиков», он ответил: «Убивайте всех подряд. Бог на небе узнает своих!»². Этот пример является хрестоматийным, он приводится в школьных учебниках и убедительно показывает, что для того, кто считает себя слугой божьим и надеется на бессмертие, дарованное его господином, подлинное достоинство и даже жизнь не так уж важны.

В иудео-христианской традиции без тени сомнения принимается, что по воле божества человек должен был принести в жертву богу своего сына (жертва Авраама). В Ветхом Завете, в главе «Иов», Бог заключает с Сатаной пари, удастся ли Сатане своротить праведника Иова, для чего на него насылаются всякие напасти. Он заболевает проказой, уничтожается вся его семья. Ничего себе уважение к человеку на основе религиозных ценностей... Напомним читателю, что Ветхий Завет принимается христианством как каноническая священная книга. И после этого нам без тени сомнения говорят, что без Бога найти основания для утверждения достоинства человека нельзя. Да как раз наоборот. Религиозное мышление в принципе исходит из возможности бессмертия души, а значит, относительности жизни в нашем бренном мире. Если же отвергнуть эти представления, и исходить из того, что человек смертен, получается, что жизнь — уникальный дар природы человеку. Соответственно жизнь каждого человека бесценна. Недопустимо принуждать его к жертве жизнью ради других людей. Это возможно только в чрезвычайных обстоятельствах, когда речь идет о выживании народа или даже всего человечества. Но сами эти чрезвычайные обстоятельства свидетельствуют только о несовершенстве общества, в котором мы живем. Если общество когда-нибудь действительно станет коммуникативным, если, как полагают Апель и Хабермас, в нем не будут приниматься стратегические решения, неизбежно ведущие к тому, что грубо попираются интересы каких-то групп, тогда жертва собственной жизнью во имя некоторых высших целей будет не нужна. Но и сейчас, если человек исходит из того, что его

жизнь единственна и неповторима, что после смерти ничего не будет, он никогда не станет террористом смертником, не будет религиозным фанатиком.

Автономия морального сознания

Религиозная этика в своей основе является эгоистичной. Человек выполняет в ней заповеди ради собственного спасения и других преимуществ. Само слово «Завет» означает договор с Богом. В Ветхом Завете это вполне практический договор: человек обещает выполнять заповеди, а Бог обещает привести его на землю обетованную. В Новом Завете это обещание спасения в смысле продолжения индивидуального существования после смерти. Я не буду обсуждать противоречия этой концепции в философском плане, например, несовместимость понятий индивидуальность и вечность (ведь индивидуальность — это всегда нечто совершенное, конечное), я обращусь к другому — к основаниям исполнения самих нравственных требований.

Разве потому мы не убиваем, что так приказал Бог, и разве потому мы не крадем, что это также упомянуто в Декалоге? Вряд ли это вообще те вопросы, над которыми работает современное нравственное сознание. Такое поведение стало для человека естественным. А если нет — то этим занимается уже не мораль, а право.

Кант предлагал известное автономное обоснование морали. Мораль однозначно идет у него до религии. Хотя Кант и обращается к трансцендентным сущностям, для него человек, прежде всего сам, является творцом собственной морали. Принадлежность его к интеллигибельному миру, в который человек не может проникнуть с помощью чувств, в то же время открывает для него возможность делать предположения об этом мире в том смысле, как если бы он был его творцом. Это накладывает на человека определенные нравственные обязательства. Он, оказывается, должен вести себя так, как хотел бы вести себя в идеальном мире, сконструированном им самим по законам свободы и справедливости. Эта методология блестяще изложена Кантом в работе «Религия в пределах только разума».

Идеи, представленные в этом произведении, можно понять, приняв во внимание два сформулированных им предварительно тезиса: 1) чистая воля содержит причинность в самой себе; 2) не может, однако, быть определения воли без отношения к цели. Из анализа условий сочетания этих тезисов следуют еще третье и четвертое положения: 3) мир должен соответствовать условиям реализации нашей нравственной воли, т.е. быть таким, чтобы моральное достоинство и счастье совпадали; 4) поскольку мы не можем в полной мере обеспечить этого сами, необходимо допустить идею Бога. Очевидно, что Бог представлен здесь не только

в теологическом, но и в нравственно-практическом смысле, он завершает то, что человек не может завершить сам, восстанавливает недостающую реальному миру справедливость.

Однако Кант считал, что и реальный мир постепенно развивается в сторону совершенного интеллигибельного мира, приближается к нему на каждом новом этапе исторического развития человечества. То есть и в реальном мире постепенно создаются условия, при которых счастье и моральное достоинство совпадают, обеспечивается справедливость. В этом смысле кантовская методология вполне может быть использована и для создания представления о морали вне ее связи с религией. Просто надо признать первые три положения, а последнее, четвертое заменить признанием значения для людей их стремления к реализации общих целей, правомерности борьбы за совершенствование мира, в которой и открывается поле для утверждения человеческого достоинства.

Кстати говоря, значение таких совместно разделенных целей, борьбы за достижение относительных целей признает и современная религиозная мысль. Скажем, основатель персонализма Э. Мунье говорит о важности борьбы за достижение относительных ценностей: «Философ, для которого существуют только абсолютные ценности, для того, чтобы действовать, стремится найти совершенные задачи и безупречные средства. Но это все равно, что совсем отказаться от действия. Абсолютное — не от мира сего и несоизмеримо с этим миром. Наше действие это всегда неоднозначная борьба ради несовершенных целей. Но отказаться из-за этого от действия — значит отказаться от самих условий человеческого существования»³.

В своих работах я предлагаю основания нравственности, связанные с современными научными знаниями, достижениями в области понимания человеческой психики, особенностями его нервной системы, биологической организации, а также с историческими тенденциями развития общества.

Я полагаю, что элементарной основой морали является сострадание. В настоящее время уже доказано, что человек способен воспринимать эмоционально боль другого человека и чувствовать ее как свою. За это отвечают так называемые зеркальные нейроны нашего мозга. Более того, я считаю, что к состраданию способны и высшие животные, наделенные психикой, т.е. ориентирующиеся на основе идеального образа. Дело в том, что ориентирование на основе идеальной модели предполагает разыгрывание в сигналах головного мозга ситуации действия, отнесенного к моменту будущего. Это требует особой интерпретации пространства и времени, в том числе и мысленной постановки себя в ситуацию другого. Но это же означает и возможность сострадать другому. Конечно, эта реакция может

быть снижена, подавлена за счет эгоистических мотивов поведения, но полностью исчезнуть она не может никогда.

Более сложные уровни морального сознания требуют решения вопроса о смысле человеческой жизни, о достоинстве человека. В решении этих вопросов можно увидеть много пересечений светской позиции и с тем, что было сформулировано в рамках религиозных взглядов. Например, христианский догмат о первородном грехе вполне можно интерпретировать в смысле идеи социализации, признания необходимости для человека отказа от одной своей природы, которая полагается в качестве низшей ради высшей, социально развитой. Естественно, это требует от человека напряжения, усилий его воли. Это требует усилий и от воспитателей. Если на этом пути происходят сбои, например, растет агрессивность личности, формируется ее антисоциальная позиция, это означает, что не найден оптимальный путь к добру, идет разрушение личности, т.е. начинает доминировать путь развития в сторону небытия, или возрастает зло. Злом в этом смысле является неправильная реакция на запрет, на различного рода требования, сформулированные воспитателем, в которых представлен исторический опыт совместного бытия людей, или добро. Понятно, что это вполне совпадает с христианской позицией, в которой добро рассматривается как онтологически существующее, а зло как уменьшение добра, путь в небытие, которое в принципе онтологическим статусом не обладает.

Но пересечение с религиозной этикой совсем не означает, что те смыслы, которые были выявлены религиозным сознанием, мы должны сейчас воспринимать буквально. Не означает это также и того, что мы должны ограничиться только теми вопросами, на которых сосредоточивала свое внимание религиозная мораль.

А. Макинтаир в своем знаменитом труде «После добродетели» писал: «Только в XVII и XVIII столетиях мораль стала восприниматься в качестве способа решения проблем, возникающих из-за людского эгоизма, а содержание морали было приравнено по большей части к альтруизму. Потому что в тот же самый период люди стали считаться созданиями, которые обладают по своей природе довольно опасной мерой эгоизма; и как только мы приходим к этому выводу, становится очевидным, что альтруизм социально необходим и в то же время невозможен, а когда он все-таки встречается, то попросту необъясним. С традиционной аристотелевской точки зрения таких проблем не возникает. Ибо воспитание во мне добродетелей приводит к тому, что мое благо совпадает с благом людей, с которыми я связан узами человеческого общества. Никакое преследование мною своего блага не противоречит преследованию вами ваших благ, потому что это *единое* благо не является ни моим, ни вашим — блага не являются частной собственностью»⁴.

Сказанное Макинтайром — очевидное свидетельство того, что само общество находится в глубочайшем кризисе, что его целостность разрушена, люди не объединены совместными целями. Отсюда, конечно, и основания для развития религиозного сознания. Но не лучше ли работать над тем, чтобы объединиться в настоящей, а не в загробной жизни?

Я также считаю, что по мере совершенствования общества мораль будет существенно преобразована. Поле категорических внешних требований будет сокращаться. Их выполнение в отношении личных задач самосовершенствования будет становиться для человека естественным. В отношении общественных ситуаций общество будет работать над тем, чтобы исключить риски в пространстве совместного бытия людей, т.е. исключить войны, техногенные катастрофы, кризисные явления в отношении общества и природы. Это сделает жертвенное поведение ненужным и сократит количество категорических требований, формулируемых в виде запретов или строгого вида долга. Что же касается позитивных формулировок нормативных требований, связанных с развитием способностей человека, с определением условий его функциональной деятельности в современном обществе (это в принципе составляет область этики добродетелей), то их число будет возрастать. Современные тенденции развития профессиональной и корпоративной этики уже подтверждают этот вывод.

На каком-то этапе человек поймет, что мораль просто обеспечивает ему улучшение качества его же собственной жизни, наполняет ее смыслом. Она помогает ему иметь общие с другими людьми цели и бесконфликтно их реализовывать. Она также открывает человеку путь к счастью, определяет такие условия его общественного бытия, при которых общество делает все для обеспечения качества жизни каждого человека. Этого просто не способна сделать религиозная мораль, придерживающаяся традиционных догм, скажем, запрещающая (православие, католицизм) методы искусственного оплодотворения, в которые вовлечены третьи лица. Если бы это жестко проводилось в современном обществе, то множество людей лишилось бы счастья иметь детей.

Методика и цели преподавания

В декабре 2009 г. мне пришлось обсуждать вопросы преподавания светской этики с о. Александром в прямом эфире Русского радио в программе «Твоя правда». Мы обсуждали множество вопросов, и один из них коснулся самой методики преподавания. Я в принципе полагал, что учащимся нужно дать некоторые теоретические представления об этике, а потом с помощью этих представлений просить их решать моральные дилеммы, осуществлять моральный выбор. Кстати говоря, я считаю, что

делать это нужно не в 4 — 5 классах, а позднее, скажем, начиная с 8 класса. До этого может быть организовано не преподавание этики как философской дисциплины, а уроки нравственного воспитания, построенные на примерах морального поведения. Мой собеседник ответил, что он не думает, что учащихся нужно ставить перед ситуациями морального выбора, и что он просто собирается рассказать им о Боге. Во время передачи дело не дошло до вопроса, который я все же хотел бы задать: а что и откуда он знает о Боге?

Общеизвестно, что из многих описаний жизни и проповедей Христа (так называемых апокрифических Евангелий) христианская церковь отобрала только 4, которые были канонизированы. Следовательно, была произведена интерпретация. Но всякая интерпретация — опасная вещь. Великий русский писатель Л.Н. Толстой в работе «Восстановление ада» связывал сохранение зла на Земле именно с интерпретацией простых и ясных заповедей Христа. В работе «В чем моя Вера» Толстой показывает, что содержание христианских заповедей было искажено, подработано под нужды социальной организации общества в ее традиционном варианте. В результате сами заповеди потеряли смысл. Например, заповедь «не гневайся понапрасну», не имеет смысла, ведь никто не может сказать, когда ты гневаешься напрасно, а когда — нет. Да, интерпретаторы здорово поработали над содержанием учения Христа, подогнав его к нуждам современного им общества. И вот теперь этим интерпретаторам доверили писать школьные учебники.

А чему они могут научить? Чему вообще может научить учащихся преподавание религиозной догматики в школе? Поможет ли это сформировать у учащихся скептическое мышление? Конечно — нет. В курсе религиозной культуры даже не ставится таких целей. Целью является пересказ догматов. Не случайно для этого выбран и возраст — 10 — 11 лет, когда у ребенка мало развито критическое мышление, а пересказ религиозных догматов он будет с удовольствием слушать как сказки. Между тем, скептическое мышление крайне важно не только в научной деятельности. Оно необходимо и в других областях человеческой деятельности и жизни. Широко известно, что происходит с людьми, которые некритически принимают всякие новые духовные практики, новые методы лечения и т.д. Более того, без скептической установки невозможно толерантное отношение одного к другому. Именно так ставил вопрос Дж. Локк в своих знаменитых Письмах о веротерпимости. Мы должны быть толерантны к другим, потому что сами не уверены в своей правоте.

Но если встать на позицию религиозной догматики, исходить из определенной конфессиональной принадлежности,

толерантность неизбежно должна рассматриваться только как снисхождение. Получается, что это не подлинная толерантность, а толерантность с позиции превосходства, с позиции тех, кто считает, что именно им принадлежит истина, другие же заблуждаются. Наоборот, с позиции светской этики отношение к другому может быть рассмотрено как подлинно симметричное, как отношение взаимного равенства тех, кто ищет истину, но никогда не считает, что нашел ее в окончательном смысле.

Заключение

В истории человечества было немало скептически мыслящих людей. Они были вполне моральными личностями и даже отличались героическим нравом. В качестве примера хочу привести рассуждение замечательного мыслителя XIX в. полковника армии США, участника Гражданской войны Севера против Юга (естественно, на стороне северян) Р.Г. Ингерсола (Robert Green Ingersoll). Хотя Ингерсол был родом из семьи священника, в своей жизни и научной деятельности он занял скептическую, антирелигиозную позицию. По поводу истоков христианской веры Ингерсол говорил: «Никто во всей истории человечества не пытался обосновывать правду чудесами. Правда набирает очки в ассистировании чуду? Ничего, кроме фальшивости никогда само по себе не обосновывалось за счет знамений и чудес. Ни одно из чудес никогда не было представлено, и ни один святой человек никогда не думал о том, чтобы показать его, и до тех пор, пока оно не будет представлено, не может быть свидетельств существования какой-нибудь силы верховной по отношению к природе и независимой от нее»⁵. Дайте нам хоть один факт в подтверждение, говорит Ингерсол. «Ваши чудеса слишком древние. Свидетели умерли около двух тысяч лет назад. Их репутация “правды и честности” среди соседей, где они жили, совершенно неизвестна для нас. Дайте нам новые чудеса и подтвердите их свидетельствами тех, кто все еще имеет счастливую привычку жизни в этом мире»⁶. Это рассуждение примечательно. Религия, а также весьма популярная сейчас антропософия даже не задумывается о том, чтобы привести какие-то свидетельства в пользу утверждаемых в тех или иных доктринах положений. Основным аргументом является то, что это открылось какому-то выдающемуся «посвященному» человеку как прямое откровение некоторых высших сил.

Но критика религии не была для Ингерсола самоцелью. Он хотел лишь освободить человека от тех оков, которые мешают ему верить в свои силы, отвлекают его от задач по обустройству его земного бытия, в чем, согласно Ингерсолу, человек вполне может быть счастлив.

31 декабря 1897 года Ингерсол посетил лабораторию Томаса Эдисона. Он произнес короткую речь, которая была записана на один из первых звукозаписывающих аппаратов ученого. Отрывок этой речи сохранился в записи, которая находится в музее частной корпорации RCA, производящей аудиосистемы. Копия этой записи и ее письменное изложение находится в настоящее время в музее Ингерсола, расположенном в доме, где он родился. Этот отрывок весьма знаменателен в плане выражения позиции Ингерсола и стиля его речей, насыщенных короткими эпиграммами. В русском переводе отрывок выглядит так: «Отрицая все религиозные представления, я утверждаю мое собственное, и оно имеет следующий вид: счастье — единственное благо. Время быть счастливым — сейчас. Место быть счастливым — здесь. Способ быть счастливым — делать счастливыми других. Это представление есть нечто краткое, но оно достаточно велико для этой жизни, достаточно сильно для этого мира. Это представление — краткое, но достаточно сильное для этого мира если есть другой мир, то когда мы окажемся там, мы сможем другое. Но это представлено достаточно определенно для этой жизни»⁷.

Как видим, вполне можно не быть приверженцем какой-либо религии и, в то же время, быть вполне нравственным человеком.

Преподавание в школе основ различных вероучений связано и с опасностью распространения креационизма. Креационисты отрицают теорию эволюции, считая ее недоказанной, претендуют на то, чтобы подменить научные знания ограниченными религиозными представлениями о генезисе, изложенными в Библии. Четвертого октября 2007 г. Парламентская Ассамблея Совета Европы приняла резолюцию № 1580/2007 «Опасность креационизма для образования». 27 Академий наук государств членов Совета Европы в июне 2006 г. подписали декларацию о преподавании эволюционизма.

Известно, что православная церковь отрицает факт эволюции. Так не вызовет ли преподавание «основ православной культуры» противоречия с подлинно образовательными задачами формирования представлений об основах научного знания учащихся?

Выводы

Преподавать в школе основы религиозных культур не нужно. Это не соответствует основным задачам общеобразовательных учреждений.

Нужно преподавать этику как философскую дисциплину, начиная с 8 го класса. До 8-го класса нужно организовать уроки нравственного воспитания (на основе примеров положительных поступков, героических действий).

Следует также преподавать основы мировых религий как светскую дисциплину, учебники для которой должны быть подготовлены специалистами религиоведами.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹<http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9C%D0%93%D0%AD%D0%A1>

²Агибалова Е.В., Додонский Г.М. История средних веков: Учеб. для 6 кл. общеобразоват. учреждений. 3-е изд. – М.: Просвещение, 1977. – С. 110.

³Мунье Э. Персонализм. – М., 1993. – С. 104.

⁴Макинтайр А. После добродетели: Исследования теории морали. – М.: Екатеринбург, 2000. – С. 308 – 309.

⁵The works of Robert G. Ingersoll in twelve volumes. V. 1. The Dresden Publishing Co. – N. Y., 1901. – P. 50 – 51.

⁶Ibid. – P. 51 – 52.

⁷Музей: место рождения Роберта Грина Ингерсола. Дрезден (Нью-Йорк). Примечания Мемориального комитета Роберта Грина. Amherst (New York), 1977.

Аннотация

В статье рассматривается возможность рационального обоснования морали на нерелигиозной основе. Показываются преимущества светской этики. Мы отстаиваем необходимость изучения этики вне связи с религией, показываем необходимость рациональных аргументов в моральной мотивации. Статья содержит информацию о скептическом подходе в философии, показывает, как оптимистическое отношение к жизни может быть достигнуто на основе современного научного знания.

Ключевые слова:

этика, мораль, религия, образование, воспитание, наука, мотивация, счастье.

Summary

In the article it is considered the possibility of rational moral foundation without application to any kind of religion. We argue the necessity of Civil Ethics education and demonstrate the advantages of rational arguments in moral motivation. The article contains information about sceptical attitude in philosophy and demonstrates how optimistic attitude to life can be achieved on the base of contemporary scientific knowledge.

Keywords:

ethics, moral, religion, education, science, motivation, happiness.